
Философско-методологические проблемы

О ПРЕДМЕТЕ ПСИХОЛОГИИ (МИР ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА)

В.Д. ШАДРИКОВ

Шадриков Владимир Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, действительный член РАО, член Нью-Йоркской академии наук и Калифорнийской школы профессиональных психологов, вице-президент Российского психологического общества. Он является создателем и руководителем научной школы в области психологии способностей. Ему присуждены звания заслуженного работника высшей школы, почетного профессора ЯГПУ, почетного профессора ЯГУ, он лауреат премии Президента Российской Федерации в области образования (1998), премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл научных работ по психологии способностей (1996). В настоящее время является директором Института содержания образования ИРО ГУ–ВШЭ, научным руководителем факультета психологии ГУ–ВШЭ. В 1985–2001 гг. занимал пост заместителя министра.

Резюме

Системное определение предмета психологии приводит к необходимости обращения к внутреннему психическому миру человека. О реальности последнего говорят повседневный опыт и факты экспериментов с электрическим раздражением глубинных структур мозга. В статье анализируется зарождение и развитие внутреннего мира у ребенка. Рассматривается репрезентация внешнего мира во внутреннем. Утверждается тезис о тождественности понятий внутреннего мира и души человека. Формулируются законы функционирования внутреннего мира. Раскрытие закономерностей формирования и развития внутреннего мира, его проявления в поведении рассматривается как важнейшая задача психологии.

Определить предмет науки достаточно сложно. Не только психология, но и многие другие науки длительное

время изучали свой предмет, четко его не определяя. Психология здесь находится в особом положении. Вначале

предметом психологии считалась душа. Но понятие это разрабатывалось, в основном, в теологии. Встав на строго научные позиции, психология ушла от своего предмета – души.

Сегодня, как и в 1946 г., вслед за С.Л. Рубинштейном, обычно предмет психологии определяют как специфический круг явлений, включающий наши восприятия, мысли, чувства, наши стремления, намерения, желания и т.п. Но Рубинштейн добавлял, что предметом психологии является все то, что составляет внутреннее содержание нашей жизни и что в качестве переживания как бы непосредственно нам дано. Однако эта мысль Рубинштейна осталась в отечественной психологии практически не проработанной. Именно на этом вопросе мы и хотели бы остановиться.

Определяя предмет психологии через перечисления отдельных психических явлений, мы остаемся на позициях аналитического подхода. Однако системная методология требует перехода к поиску целого, что составило бы предмет психологии и позволило бы подойти к изучению психики индивида. Предпосылки для такого подхода как теоретические, так и экспериментальные созрели.

Две группы фактов говорят нам о том, что существует реальная внутренняя жизнь человека: это повседневный опыт и экспериментальные данные. Мы часто, характеризуя того или иного человека, говорим: живет в мечтах, живет в прошлом, весь в планах на будущее, ушел в себя, живет внутренней жизнью и т.д. Все, что мы в этом случае подразумеваем, относится к внут-

ренней жизни реального человека. Хотелось бы подчеркнуть, что, говоря о внутренней жизни, мы подразумеваем не отдельные процессы мотивации, представления, воображения, чувства, интеллектуальные качества, а интуитивно понимаем реальный процесс, происходящий с нами и в нас. Это и процесс реальной жизнедеятельности, и самостоятельный процесс, связанный с реальной жизнью, но и не зависящий от нее. Скромный и застенчивый человек может глубоко и эмоционально переживать события своей жизни, а деятельный и общительный быть внутренне бедной личностью. Внутренний мир человека и его внутренняя жизнь составляют сущность личности.

Вторая группа факторов, подтверждающих возможность реальной внутренней жизни, – экспериментальные данные, связанные с электрическим раздражением глубинных структур мозга (ЭРМ). Эксперименты с ЭРМ открыли новую страницу экспериментальной нейрофизиологии и предоставили интересный материал психологии. Опыты показали, что электрические раздражения отдельных структур мозга приводят к актуализации прошлого опыта, при этом, что особенно важно подчеркнуть, воспроизводимый эпизод жизни представлялся не как воспоминания, а как реальное ощущение. Так, например, при электрическом раздражении височной доли мозга участвующие в эксперименте слышали звуки музыки. Иногда это был определенный мотив, который человек узнавал и мог понять, а в некоторых случаях ему казалось, что в комна-

те включали радио или проигрыватель. Звук воспринимался не как воспоминание, а как реальное ощущение, когда можно было различать отдельные инструменты оркестра и слова песни. Эти галлюцинации не были застывшими, они разворачивались во времени как реальный процесс. При электрическом раздражении мозга вспоминались не только предметные события, но и эмоции, испытанные при том или ином реальном восприятии. Раздражение отдельных структур влияет на дружелюбие и разговорчивость, порождает агрессивность и тормозит отдельные поведенческие реакции.

Анализируя совокупность фактов, связанных с ЭРМ, Х. Дельгадо делает очень важный вывод: данные, полученные в опытах с ЭРМ, позволяют «предполагать, что нейроны сохраняют полную запись прошлых событий, включая всю сенсорную информацию (зрительную, слуховую, проприоцептивную и т.д.), а также эмоциональное звучание событий» (Дельгадо, 1971, с. 154). Сюда же можно отнести экспериментальные данные, полученные К. Прибрамом и интерпретированные с позиций голографического механизма нейронного процесса (Прибрам, 1975).

Таким образом, появляются экспериментальные предпосылки, позволяющие рассматривать *естественно-научные основы мира внутренней реальной жизни*.

В отечественной психологии длительное время доминировала философская концепция «отражения». Главное внимание уделялось пробле-

ме правильного, адекватного отражения внешнего предметного мира человеком. На этом пути достигнуты большие успехи в области физиологии, нейрофизиологии, нейропсихологии и психологии. Однако вне поля внимания оставался сам внутренний мир человека, внутренняя психическая жизнь. Практически ни в одном учебнике психологии мы не найдем отдельной главы и даже параграфа, посвященных этой проблеме. С позиции концепции «отражения» как психического явления, изучение мира внутренней реальной человеческой жизни ограничивалось (и даже подменялось) исследованием сознания человека.

Вместе с тем именно внутренняя жизнь человека всегда составляла предмет психологии, рассматривалась ли она с позиций психологии сознания или психологии бессознательной детерминации. Значительный вклад в изучение внутренней жизни человека внесли психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера и другие направления глубинной психологии.

На предшествующем этапе изучения психики, который можно назвать глобально-аналитическим, происходило постепенное разложение целостного психического: знание было отделено от переживания, восприятие и память от мышления, сознательное от бессознательного, способности от познавательных процессов, качества личности от характера, характер от темперамента, психические состояния от психических процессов, биологическое от социального.

Сегодня настало время перейти от аналитического подхода к синтезу накопленных знаний и представлениям о целостной психике, к реализации системного подхода к изучению психики. Настало время изучения внутреннего мира человека и внутренней психической жизни как реальности.

В настоящей статье сделана попытка взглянуть на внутренний мир человека с позиций различных экспериментальных и эмпирических фактов и теорий; раскрыть содержание понятия «внутренний мир человека», его строение и функции, взаимосвязи между его отдельными частями; рассмотреть, как соотносятся внутренний мир человека и мир внутренней жизни. Ответы на данные вопросы позволят по-новому взглянуть и на всю проблематику личности. Лишь понимание внутреннего мира человека позволит нам понять и объяснить его поступки и поведение.

Зарождение внутреннего мира

Внутренний психический мир человека является частью человеческой жизни. Уже эмбрион реагирует на состояние матери и события внешнего мира. Можно сказать, что он живет одной жизнью с матерью. В постнатальный период эта связь с матерью и внешним миром остается, но принимает другие формы – она регулируется психикой ребенка, которая в этом взаимодействии и развивается.

Первой особенностью этого взаимодействия является то, что оно детерминируется внутренним состоя-

нием младенца, его потребностями и связанными с ними переживаниями¹. Интересно отметить, что современные нейрофизиологические исследования показывают, что в первые 2-3 месяца жизни мозг ребенка пассивен по отношению к среде, активного взаимодействия с внешним миром не происходит (И.А. Скворцов). Ребенок переживает себя, свои состояния и связывает эти состояния с матерью. В этом процессе опредмечиваются его переживания: состояния ребенка, переживания ребенка → удовлетворение за счет объекта вне ребенка. Чувства ребенка связываются с предметным миром, они неразрывны. Подчеркнем, что переживания ребенка едины с его органическими ощущениями, они еще не могут осознаваться, но они в своем единстве и составляют жизнь ребенка. В процессах удовлетворения потребностей предметы внешнего мира приобретают для ребенка значение, смысл и эмоциональную окраску. Внешний предметный мир наделяется значением и переживаниями и выступает в единстве с внутренним миром (переживаниями ребенка). В процессе опредмечивания переживаний формируется единство ребенка и внешнего мира, прежде всего его единство с матерью.

Как уже отмечалось, длительное время (1930–2000 гг.) в отечественной психологии господствовала точка зрения, согласно которой психические явления рассматривались как отражение

¹ Механизм происхождения, функционирования и развития эмоций и чувств рассмотрен нами (Шадриков, 2002).

действительности. Главным фактором формирования внутреннего мира выступал внешний мир, окружающая человека среда. «Это отражение действительности человеческим мозгом, – читаем мы в учебнике психологии, – в виде различных психических явлений есть субъективный мир человека, представляющий собой отражение, образ объективного мира, существующего вне нас и независимо от нашего сознания» (Смирнов и др., 1956, с. 9). И хотя С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что «всякий психический факт – это и кусок реальной действительности и отражения действительности – не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразии психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением, – единством реального и идеального» (Рубинштейн, 1946), действительность доминировала в рождении психического. Мысль Рубинштейна о том, что всякое психическое образование это и переживание и знание, не нашла должного развития. Да и не могла найти, так как с позиций психического как отражения действительности первичным является внешний мир. В реальности же, как мы подчеркивали выше, первичным является человек с его переживаниями, которые опредмечиваются.

На учебнике, отредактированном корифеями отечественной психологии, были воспитаны поколения учителей и психологов. Данные позиции сохранялись на протяжении 60–70 лет. Прослеживаются они и в учебниках последнего периода, хотя и в более мягкой форме. Мы же еще раз подчер-

кнем, что внутренний мир начинает формироваться с переживаний человеком самого себя, своих органических ощущений.

С учетом сказанного, *продолжим рассмотрение процесса зарождения внутреннего мира.*

Человек – часть природы. Свое существование он может обеспечить только за счет природы. И чтобы этого достичь, он должен располагать соответствующим знанием о природе и обладать определенными навыками. Знания об окружающем мире всегда функциональны, то есть они получают ребенком в процессе разрешения жизненно важной задачи. Эти знания служат удовлетворению определенной потребности и поэтому всегда сопровождаются переживанием (вспомним Х. Дельгадо). Жизненно важные знания всегда связаны с переживанием. В этих переживаниях отражается личностный смысл знаний, получаемых от взаимодействия человека с внешним миром в процессе жизнедеятельности.

В формирующемся субъективном образе внешний мир раскрывается как «мир для меня» (вещь в себе становится вещью для меня). Предметы внешнего мира связываются с переживаниями и наделяются личностными смыслами. Субъективный образ объективного мира, его формирование включаются в процесс жизни человека, обеспечивают эту жизнь, являются ее частью. И происходит это без обязательного осознания явлений психики (хотя на определенном этапе они начинают осознаваться). Нас гораздо в большей мере интересует не сам субъ-

ективный образ, а его включенность во внутренний мир человека.

Репрезентация внешнего мира во внутреннем

Внешний мир представлен в формирующемся внутреннем мире в различных языковых² отображениях. Прежде всего он предстает субъекту в его чувственных *ощущениях* и *восприятиях* и в виде ощущений, восприятий и переживаний включается во внутренний мир. Вполне естественно утверждение, что разные чувства отражают различные стороны объективного мира, они с этой целью и сформировались в процессе эволюции человека. Следовательно, разные чувства дадут нам различную картину мира. С особой стороны, но тесно связанной с восприятием, внешний мир будет представлен на языке потребностей человека, насыщен определенными личностными смыслами и переживаниями.

Внешний мир может быть представлен субъекту на языке движений, действий и деятельностей, связанных с определенными целями и мотивами. Он может быть представлен знаниями и символами, имеющими различное значение и смысл, различную эмоциональную насыщенность.

Наконец, внешний мир описывается на языке слов, наделенных определенным значением, которое у субъекта насыщается различным смыслом, ценностями и переживаниями. Одно и то же

² Под языком мы будем понимать любую знаковую систему.

словесное описание по-разному воспринимается различными лицами в зависимости от их жизненного опыта. Слово многозначно. Поэтому внешний мир, описанный словами, во внутреннем мире у различных субъектов представлен по-разному.

Из сказанного становятся ясными вся сложность репрезентации внешнего мира и богатство внутреннего мира человека. При этом многообразии языков представления внешнего мира не лишает внутренний мир целостности.

Единство и независимость внешнего и внутреннего миров

Внешний мир един с внутренним, ибо во внешнем мире опредмечиваются потребности человека. В деятельности и через деятельность предметы внешнего мира приобретают определенное значение и личностный смысл, а формирующийся образ внешнего мира всегда носит черты оперативного образа.

В потоке жизни, состоящем из действий и поступков, идет постоянная смена информационных моделей, обеспечивающих конкретные действия и поступки. Актуальные модели переходят в потенциальные, которые в своем единстве составляют внутренний мир. Актуализация потенциальных моделей, составляющих внутренний мир, происходит по функциональному принципу, сформулированному С.Л. Рубинштейном для процессов припоминания. «Этим функциональным принципом в частности объясня-

ется, по-видимому ... повседневный и все же как будто парадоксальный факт: мы часто помним, что мы чего-то не помним; при припоминании забытого, если нам подвернется не то, что мы стараемся вспомнить, мы сейчас же сознаем или чувствуем: нет, это не то. Таким образом, мы знаем, что мы забыли, хотя казалось бы, что, раз это забыли, мы этого не знаем. В действительности у нас в этих случаях обычно есть некоторое функциональное знание о связях, в которых стоит забытое нами. Припоминая, мы очень часто ищем носителя определенных, более или менее ясно осознанных функций, связей. В процессе припоминания мы из них исходим, и, когда нам как будто вспоминается забытое, мы проверяем, то ли нам вспомнилось, что мы хотели припомнить, по тому, как всплывшее в памяти входит в эти связи. Отождествляя всплывшее в памяти с искомым или отвергая его как не то, что мы хотели припомнить, мы в значительной мере базируемся на некотором смысловом контексте, из которого исходит припоминание» (Рубинштейн, 1946, с. 294).

В данной пространной цитате нам хотелось бы, во-первых, подчеркнуть, что отдельные блоки информации во внутреннем мире связаны друг с другом функциональными связями и составляют единое целое – внутренний мир. Во-вторых, в конкретные моменты времени мы не только не помним того, что включено в память, но и с трудом это можем актуализировать. Но оттого что мы не помним чего-то, не следует, что этого не содержит наша память.

В своем порождении внутренний мир тесно связан с внешним миром, но одновременно *внутренний мир самостоятелен*, существует независимо от внешнего мира. Это внутренний мир человека, проживающего свою жизнь.

Но проживает свою жизнь человек во внешнем мире. Поэтому нам хотелось бы подчеркнуть еще раз единство внешнего и внутреннего миров. Это единство особенно убедительно доказывается исследованиями явлений депривации. Различные формы депривации: сенсорной, эмоциональной, двигательной, социальной, всегда приводят к нарушению нормального функционирования психики. Обеднение отношений с внешним миром приводит к задержкам психического развития как в интеллектуальном, так и в эмоциональном аспектах. Широко известны результаты исследований детей в условиях детских учреждений, когда при нормальных биологических факторах развития наблюдаются обедненные социальные контакты, недостаток эмоциональных отношений. В этих условиях проявляется общая задержка развития ребенка.

В условиях депривации у человека усиливается потребность в ощущениях и переживаниях, что осознается в форме сенсорного эмоционального голода. Активизируются процессы воображения, нарушается ритм сна и бодрствования, развиваются гипнотические состояния. Снижаются показатели функционирования практически всех познавательных процессов, наблюдаются иллюзии и галлюцинации.

Внутренний мир и душа человека

Переживания человека пронизывают все идеальные компоненты психической деятельности. Это относится и к образам восприятия, и к информации памяти, и к процессам принятия решений, разрешения жизненных ситуаций и деятельностных задач. Другими словами, все идеальные компоненты психологической системы деятельности связаны с переживаниями. Следовательно, вся информация, составляющая содержание внутреннего мира, будет пронизана переживаниями. Это есть принципиальное отличие информации внутреннего мира человека от информации, циркулирующей в любой технической системе, в том числе в системах искусственного интеллекта. Внутренний мир человека представляет собой *потребностно-эмоционально-информационную* субстанцию, формирующуюся при жизни человека на основе его индивидуальных свойств и качеств.

И если внутренний мир человека может существовать относительно самостоятельно от внешнего мира, то он не может быть отделен от человека. Внутренний мир, как мы уже отмечали, начинает формироваться с восприятия своих потребностей и переживаний, и в дальнейшем своем существовании он не отделим от потребностей и переживаний конкретного человека. Проживание жизни и есть с внутренней стороны поток изменений внутреннего мира, в каждый момент жизни вплетенный в реальные действия и поступки, обеспечивающий эти действия и поступки. В силу сказанного можно

заключить, что внутренний мир человека – это живой мир, и потребностно-эмоционально-информационная субстанция, представляющая внутренний мир, – это живая субстанция.

Можно сказать, что эта потребностно-эмоционально-информационная субстанция и есть *душа человека*. Эта душа живет в единстве с телом и относительно независима от внешнего мира. Подчеркнем еще раз, что душа живет и может сама себя рефлексировать, может в каждый момент времени проживать всю жизнь или отдельные события. С этой точки зрения душа живет вне времени.

Говоря о душе как субстанции, не сводимой к ее проявлениям: отдельным ощущениям, восприятиям, мыслям, чувствам, стремлениям, желаниям, духовным состояниям, мы фактически реализуем принципы системного подхода. Целое не сводится к частям его составляющим, целое обладает новыми системными качествами. Одновременно душа как субстанция не существует отдельно от своих проявлений, вне психических явлений. Как отмечает Г.И. Челпанов, «наш психический организм не представляет простого механического соединения отдельных частей, а тоже представляет нечто целое, единое, вроде организма. Этому единству присуще *постоянство* и *относительная неизменность*, а это именно и суть, те свойства, которые характеризуют субстанцию» (Челпанов, 1994).

При обращении к понятию души вспоминаются слова С.Л. Франка, который писал: «Будущий историк нашей современной духовной культуры,

вероятно, с удивлением отметит как один из характернейших ее признаков отсутствие в ней какого-либо определенного и принципиального учения о сущности человеческой души и о месте человека и его духовной жизни в общей системе целого» (Франк, 1997, с. 6). Прекрасное обозначение «психология» – учение о душе, пишет далее Франк, было просто незаконно похищено и использовано как титул для совсем иной научной области; оно похищено так основательно, что, когда теперь размышляем о природе души, о мире внутренней реальности человеческой жизни как таковой, то занимаемся делом, которому суждено остаться безымянным или для которого надо придумывать какое-нибудь новое обозначение (Франк, 1997, с. 8).

Понятие души используется в двух аспектах: как внутренний, психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.д. и, в теологическом плане, как бессмертное, нематериальное начало, существующее независимо от тела, связывающее человека с Богом.

«В русском языке слово душа дает наивысшую частотность употребления в значении внутренний психический (психологический) мир человека. В своем религиозном значении – “нематериальное начало” – оно употребляется гораздо реже, – пишет С.Г. Тер-Минасова. Показательны в этом смысле данные “Словаря языка А.С. Пушкина”. Слово душа – чемпион по частотности употребления у Пушкина. При этом абсолютное большинство употреблений этого слова – 510 раз – приходится на значение внутренний пси-

хический мир человека. В значении же нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти, оно употреблено всего 44 раза. 510 и 44 – разница впечатляющая. Причем в языке А.С. Пушкина, так что это нельзя отнести за счет советской антирелигиозной пропаганды» (Тер-Минасова, 2000, с. 164–165).

Слово «душа» вполне достойно того, чтобы его восстановить в правах как научное понятие. И предметом психологии может стать душа человека в ее научном понимании.

В заключение еще раз подчеркнем, что весь внутренний мир человека замкнут на него самого, это внутренний мир конкретного индивида и он целостен. Нарушения целостности и функциональности внутреннего мира человека ведут к различным аномалиям в поведении, которые определяются как различные психопатологические синдромы.

Законы функционирования внутреннего мира

Длительное время, начиная с Декарта, европейская наука развивалась под влиянием идей детерминизма. В классической картине мира законы природы выражают определенность, т.е. при заданных начальных условиях мы можем с определенностью предсказать будущее или восстановить прошлое. Аналогичным было утверждение, что наука занимается изучением причин, а не случая. Кант возвел универсальный причинный детерминизм в критерий любого научного знания. Однако дан-

ная точка зрения все большим количеством ученых начинает подвергаться сомнению. В наиболее яркой и доказательной форме это высказано И. Пригожиным (Пригожин, 2000).

Изучение физики неравновесных процессов привело к выводу о фундаментальной роли вероятностей. «Нам необходимы, – писал Пригожин, – не только *законы*, но и *события*, которые привносят в описание природы элемент радикальной новизны... Человечество достигло поворотного пункта – начала новой рациональности, в которой наука более не отождествляется с определенностью, а вероятность – с незнанием» (Пригожин, 2000, с. 12–13).

Весьма примечательно, что представители точных наук пришли к этому выводу в конце двадцатого столетия. Для представителей философии и психологии позиции жесткого детерминизма всегда создавали методологические трудности в описании поведения человека. Например, как разрешить проблему свободы выбора и ответственности. Если поведение человека детерминировано внешними факторами и у него нет свободы выбора, то он не ответственен за свои поступки. Но если он свободен в выборе и несет ответственность за свой выбор, то его поведение не детерминировано. Следовательно, нарушается фундаментальный признак науки.

Отказ от требований жесткого детерминизма открывает перед психологией новые возможности. Именно с позиций вероятностного подхода, признавая роль и закона и события, мы можем подойти к описанию функционирования внутреннего мира человека.

Первый закон, который можно сформулировать, будет звучать так: «*Внутренний мир человека эволюционирует и функционирует по вероятностным законам*». Развитие внутреннего мира осуществляется по закономерностям, отражающим внешние воздействия. Но не меньшую роль в его становлении играют отдельные события. Можно с определенным основанием утверждать, что в жизни человека есть только цепь событий и именно они определяют характерные особенности его внутреннего мира. Один поступок может изменить всю жизнь человека, все его мировосприятие. И мы недооцениваем роль и значение поступка и случая в развитии личности. Обычно мы обращаемся к типичному и постоянному в жизни человека, когда пробуем раскрыть причины формирования его личностных качеств, в то время как не меньшее значение имеют отдельные события и поступки этого человека, которые в силу их событийного характера выпадают из поля нашего внимания. В результате поведение человека становится для нас неожиданным, непредсказуемым. В то же время во внутреннем мире были для этой неожиданности основания, оставленные отдельными событиями. Нам еще только предстоит осознать фундаментальную роль случая в развитии внутреннего мира. Законы в психологии должны формироваться не столько на определенности, сколько на *возможности*.

Второй закон, описывающий функционирование внутреннего мира, можно сформулировать так: «*Нельзя предсказать величину воздействия на*

внутренний мир любых возмущений начальных условий. Даже незначительные, казалось бы, события могут иметь большой отсроченный эффект. Случайно сказанное слово может остаться незамеченным, а может вызвать цепь размышлений, приводящих в движение весь внутренний мир человека. С обозначенных позиций внутренний мир человека следует отнести к *неустойчивым* системам. Это дает возможность при описании внутреннего мира использовать методы, используемые для изучения неустойчивых систем (Пригожин, 2000). Законы, описывающие неустойчивые системы, носят статистический характер.

Неустойчивость внутреннего мира имеет следствием не только непредсказуемость поведения человека, но и объясняет такое явление, как творчество и новации. Именно отсутствие жесткой детерминации порождает новые состояния и мысли.

Третий закон можно сформулировать так: «*Внутренний мир человека является самоорганизующейся системой*». Внутренний мир стремится в своей самоорганизации к устойчивому состоянию, которое характеризуется устранением чувства неопределенности и неудовлетворенности, стремлением перейти на стереотипные формы поведения. Последнее отражает передачу управления поведением с более высокого уровня (уровня сознания) на более низкий уровень (уровень бессознательного и подсознательного). Устойчивое состояние нарушается мотивацией и внешними воздействиями, часто ставящими новые задачи перед индивидуумом, которые нельзя ре-

шить с помощью отработанных форм поведения (стереотипов). В процессе самоорганизации у системы внутреннего мира остается много состояний «выбора», которые и проявляются в новациях и творчестве.

В качестве особого фактора, нарушающего внутреннее равновесие, выступает воздействие одного человека на другого. Внутренний мир, отраженный в мыслях и чувствах одного человека, воздействует на внутренний мир, мысли и чувства другого человека. В результате изменяется внутренний мир обоих взаимодействующих субъектов. С позиций самоорганизации становятся понятными попытки определить структуру внутреннего мира и уровня функционирования психики. Самоорганизация всегда проявляется в структурировании целого.

Четвертый закон характеризует необратимость состояний внутреннего мира. Он может быть сформулирован так: «*Во внутреннем мире нет эквивалентности между прошлым и будущим, между которыми стоит «настоящее»*». Развитие внутреннего мира отражает *стрелу времени* и характеризуется *необратимостью*. Человек никогда не может стать таким, каким он был, как бы он к этому ни стремился. С высказанных позиций нуждается в уточнении высказывание С.Л. Франка о невременности душевной жизни человека, который в любой момент времени может пережить любой момент своей жизни.

В своих воспоминаниях человек действительно может вернуться к определенным периодам и отдельным событиям своей жизни, но он не может

вернуться к внутреннему миру, характеризующему его в эти моменты, и воспоминание идет всегда с позиций настоящего внутреннего мира с соответствующими оценками и переживаниями. Утверждение Франка о том, что мы в мире знаний возвышаемся над временем и живем в вечности, представляет собой скорее образное выражение. Живем мы всегда в настоящем. Наше прошлое входит в наше настоящее преобразованным в процессах самоорганизации внутреннего мира. Прошлое же человечества включается через знания в наш внутренний мир, и мы можем его воспринимать только с позиций настоящего состояния нашего внутреннего мира. Такая трактовка знания делает во многом понятной его значение в текущем внутреннем мире. Это значение определяется личностным смыслом знания.

Индивидуальные проявления внутренней жизни

Проведенные исследования показывают, что внутренний мир человека индивидуален. Он определяется всем жизненным путем человека, его наследственностью, характером отношений с другими людьми, различными деятельностями, которые реализует человек, воспитанием и обучением (образованием).

Внутренний мир – саморазвивающийся, ведущий диалог с самим собой. Наиболее емко и адекватно внутренний мир отражается в понятии «душа» человека. Внутренний мир целостен, и в силу саморазвития его нельзя по-

знать полностью. Для субъекта, как и для внешнего наблюдателя, он всегда останется вещью в себе. Даже анализ всего жизненного пути, сколь подробно бы мы его ни проводили, не изменяет этого положения. Процедуры, применяющиеся в психоанализе, способны установить действие травмирующего фактора, но не позволяют раскрыть процесс становления внутреннего мира во всем его многообразии. Поэтому столь ясной становится необъяснимость и непредсказуемость поведения человека, которую отмечают многие психологи. В отдельные моменты жизни человек способен на взлеты самопожертвования и героизма, но он же способен и на безнравственные поступки.

Вместе с тем следует отметить и другую тенденцию: стремление к определенным фиксированным программам поведения, обеспечивающим минимизацию психических затрат³. Это наблюдается с акта построения движения (по Н.А. Бернштейну) до целостной деятельности, в которой автоматизируются все ее компоненты: информационная основа деятельности, планы и программы, процедуры принятия решения и исполнительных действий. Суть автоматизации заключается в том, что управление психическими процессами распределяется по раз-

³ Возможно в этом проявляется и действие архетипов. Первобытный человек жил в относительно стабильных условиях, к которым были приспособлены его жизненные стереотипы (программы поведения). Нарушение стабильности воспринималось как угроза.

личным уровням функционирования психики. То же самое наблюдается и в поведенческих актах. Устоявшиеся формы поведения, которые, как правило, относятся к типичным условиям, рассматриваются окружающими как *индивидуальные качества* конкретного человека. Эти качества могут касаться типичных форм отношения к другим людям, и самому себе; к эмоциональным характеристикам поведения; к интеллектуальным показателям, интересам, установкам и т.д. Важно подчеркнуть, что в индивидуальных качествах проявляются лишь *устойчивые формы* душевной жизни, характерные для типичных жизненных ситуаций.

В практических исследованиях устойчивые формы душевной жизни – личностные характеристики – определяют с помощью тестов.

Вопросы, содержащиеся в различного рода опросниках, адресуются обследуемому, и он дает ответы, характерные для его поведения в стандартных условиях (даже в том случае, когда не затрагивается моральная самооценка поведения). Но, как мы видели, стандартная ситуация не отражает всего многообразия внутреннего мира и факторов, связанных с душевной жизнью.

Как отмечает А. Анастаси, «в своем настоящем виде большинство личностных тестов следует рассматривать либо как средство для клинической оценки, либо как инструмент для исследования» (Анастаси, 1982, т. 2, с. 123).

В настоящее время число личностных тестов измеряется сотнями. Различия авторов в подходах к проектированию тестов проявляются в теоретических взглядах, формулировке, со-

ставе, отборе и группировке заданий, включаемых в тест. Эти подходы нельзя охарактеризовать ни как взаимозаменяемые, ни как взаимоисключающие. Они отражают взгляды авторов на личность, а еще точнее, на те аспекты целостного внутреннего мира человека, которые для них доступны в понимании и исследовании. Во многом выбор аспектов личности определяется практическими задачами, которые пробуют разрешить с помощью конкретных тестов.

«Душа как отражение мира и человека, – писал К. Юнг, – настолько многообразна, что существует бесконечное множество аспектов ее рассмотрения... Каждый выхватывает свой собственный фрагмент мира и сооружает для своего частного мира собственную частную же систему, зачастую с герметическими стенами» (Юнг, 1994, с. 111). Это чрезвычайно важное методологическое замечание. Все подходы к описанию личности, которые мы имеем в психологической науке, являются частными случаями, индивидуальными попытками описать внутренний мир человека. Описания эти настолько верно отражают душу человека, насколько тонко и точно их автор сумел выделить группы душевных факторов и характеризовать их. В основе любых описаний лежат эмпирические факты и, прежде всего, это содержание сознания. В разуме же нет ничего, чего бы не было ранее в чувствах.

Психолог должен ясно представлять себе, что сегодня нет единого подхода к описанию души, внутреннего мира человека. И это отсутствие од-

ной психологии личности не есть стремление разных ученых заявить о себе, а есть отражение реальной сложности проблемы. И чем глубже мы проникаем в проблему, тем с большими трудностями сталкиваемся.

Заключение

Обращение к внутреннему миру и внутренней жизни человека является ключевым моментом в понимании самого человека.

Рассматривая процесс формирования внутреннего мира, мы отмечаем, что исходным моментом выступают потребности ребенка и связанные с ними переживания. Ребенок переживает себя, свои потребности и состояния. Он выступает здесь еще как биологическое существо, как индивид. Одновременно подчеркнем, что истоки отношений ребенка с внешним миром заключены в самом ребенке. И в этом проявляется активное начало формирующегося внутреннего мира. В процессе опредмечивания потребностей и переживаний внешний мир присваивается ребенком в виде образов и знаний, формируется единство ребенка и внешнего мира. Формирующийся внутренний мир одновременно становится и миром внутренней жизни. Это живой внутренний мир, в основе которого лежат потребности и переживания человека. Переживания пронизывают все идеальные компоненты психической жизни, все содержание внутреннего мира человека. Внутренний мир человека представляет собой

мационную субстанцию, формирующуюся при жизни человека, на основе его индивидуальных природных качеств. Как мы уже отмечали ранее, эта потребностно-эмоционально-информационная субстанция может рассматриваться как душа человека. «Важно отметить, что то, что делается или совершается в душевной жизни, не делается ни с нами, ни нами, по той простой причине, что в душевной жизни как таковой, не существует отдельного “мы”, отличного от того, что делается. То, что делается в душевной жизни и есть мы сами» (Франк, 1997, с. 101).

Как было показано выше, внутренний мир человека отражает весь его жизненный путь, деятельности, которыми он овладел, поступки, которые совершил, весь внешний мир в его функциональном значении и личностном смысле. Но при этом на каждом этапе развития внутренний мир не теряет своей активности, своего творческого начала. Человек свободен поступать в любой момент своей жизни так, как его побуждает его внутренний мир, его потребности, чувства, переживания и мысли. В меру этой свободы он несет ответственность за свои поступки. Общество же оценивает его поступки по нормам морали и нравственности с учетом традиций и обычаев, социальных норм и законов, с учетом условий, в которых человек совершал тот или иной поступок. Нельзя объяснить поведение человека, исходя из внешних условий. Обладая свободой выбора, человек учитывает эти условия. Человек свободен в своих поступках. Эта свобода есть внешнее выражение его душевной жизни и в опре-

деленной мере отражение внутреннего мира человека. Но только в определенной мере, так как проявление внутреннего мира в различных условиях различно.

Сегодня становится ясно, что если не исходить из внутреннего мира чело-

века, то нельзя полноценно объяснить любое психическое явление и реальное поведение людей. Задача психологии заключается, прежде всего, в раскрытии закономерностей формирования и развития внутреннего мира и его проявлений в поведении.

Литература

Анастаси А. Психологическое тестирование. М.: Педагогика, 1982.

Дельгадо Х. Мозг и сознание. М.: Мир, 1971.

Прибрам К. Языки мозга. М.: Прогресс, 1975.

Пригожин И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы. Москва-Ижевск, 2000.

Психология / Под ред. А.А. Смирнова (гл. ред.), А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и Б.М. Теплова. М.: Учпедгиз, 1956.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000.

Франк С.Л. Реальность и человек. М.: Республика, 1997.

Челпанов Г.И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. М.: Институт психологии РАО, 1994.

Шадриков В.Д. Введение в психологию (эмоции и чувства). М., 2002.

Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1994.